

7. Следствие и суд

Результаты расследования дела о массовых беспорядках в Бийске, а точнее очередной открытый показательный суд, которые явно начали входить в моду в начале 1960-х гг., приходя на смену «полутайному» правосудию эпохи раннего Хрущева, были призваны

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91265. Л.93

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91265. Л.42

3 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91265. Л.93

4 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91265. Л.6

продемонстрировать «отщепенство» и «звериный облик» врагов режима и произвести отрезвляющее впечатление на потенциальных бунтовщиков. В принципе, этот путь «воспитания народа» на «отрицательных примерах» очень скоро обнаружил свою неэффективность.

Специфика подавления беспорядков, волнений и бунтов в 40-е - 50-е годы - немота властей, сопровождавшая обычно жестокую расправу. Никто не должен был знать о происшедших событиях, а попытки распространения слухов - жестоко пресекались. Учитывая масштабы страны - простое «замалчивание» событий было достаточно эффективным средством локализации конфликта. Информация просачивалась с трудом. И партийная верхушка всегда имела достаточный запас времени для «принятия мер». В большинстве случаев сигнал о конфликте просто не успевал дойти до заинтересованных конфликтных групп и предрасположенных к беспорядку районов. Население СССР могло противопоставить государственной машине контроля за информацией только слухи. В конце 50-х - начале 60-х гг. радиофикация страны сделала доступным и другой источник информации - западные радиостанции, вещавшие на Советский Союз. Но и они могли пользоваться только слухами. Даже если бы западные «голоса» попытались обострить ситуацию, нажимая на педаль «народного восстания», - эффективная система глушения передач, также как и слабая их доступность - прежде всего для тех, кто был готов к конфликтам, неизбежно отрезали бы сообщения о «вдохновляющих примерах» от тех, кто этими примерами мог и хотел воспользоваться. К тому времени, когда доступность приема западных радиостанций существенно выросла - изменилась социальная и политическая ситуация в стране - возник «симбиоз» населения и власти, а предрасположенность к конфликтам дошла до предельно низкой отметки.

Новая хрущевская практика публичных процессов над участниками беспорядков в какой-то мере могла вдохновляться новой пропагандистской и контрпропагандистской ситуацией в стране, а также слабыми надеждами на «воспитательный» и устрашающий эффект

подобных процессов. Но эта палка была о двух концах. Знание, что ты не одинок в своей ненависти к власти могло подействовать на множество обиженных как социальный допинг, а не политический транквилизатор. Открытые судебные процессы не только лишний раз доказывали законопослушным гражданам, что с властями лучше не связываться - эта многочисленная категория людей и не собиралась заниматься с режимом перетягиванием каната, но и внушали потенциальной оппозиции мысль о возможности более существенной социальной поддержки, чем это казалось на первый взгляд. Гласность и открытость в принципе были противопоказаны режиму, который в этом случае не имел никаких идеологических козырей, кроме фальшивого «всенародного возмущения» номенклатурных «рабочих-передовиков». По законам социальной психологии открытые судебные процессы над участниками беспорядков могли придать действиям бунтовщиков и погромщиков более серьезный политический смысл, чем тот, который они на самом деле имели.

Как бы то ни было в 1961 г. власти еще продолжали свои пропагандистские эксперименты. При этом подготовка и проведение процессов шли, фактически, по старым идеологическим и политическим рецептам, судебные приговоры по таким делам о массовых беспорядках во многом предопределялись в высоких партийных кабинетах, а совсем не в залах суда. Власть каждый раз демонстрировала, что она может быть угрожающе опасной и жестокой, но совсем не справедливой.

В начале сентября состоялся первый процесс по бийскому делу. Следствие стремилось в ударные сроки выполнить пожелание высшего начальства. Для этого дело разделили на две группы и сосредоточились на пожарной подготовке первого показательного процесса. Судили 7 человек (Трубниковых, Панькина, Ченцова, Лукьянова, Филатова и Охотникова). Судя по некоторым невыясненным вопросам (например, о судьбе денег Трубниковых) следствие, готовя обвинение, скорее всего «рубил концы» и в спешке не очень заботилось о качестве расследования. Процесс продолжался три дня - с 5 по 7 сентября. Он

проходил в клубе на 300 мест, на улицу выставили репродуктор¹. Спустя месяц (3-6 октября) состоялся суд над второй группой обвиняемых - Лисиным, Кукоевым, Мельниковым, Косых, Ляховым и Чернышевым.

Три зачинщика беспорядков были приговорены к смертной казни (впоследствии мера наказания снижена), остальные к очень длительным срокам заключения (в основном от 12 до 15 лет лишения свободы). Местные начальники, должностные нарушения и упущения которых создали в Бийске обстановку, благоприятную для возникновения массовых беспорядков, отделались легким испугом. В большинстве случаев дело ограничилось партийными выговорами. И только один человек - заместитель начальника городского отдела милиции - был снят с работы «за проявленную нерешительность в ликвидации беспорядков и за необеспечение борьбы с нарушителями порядка»².

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91265. Л.14

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.91265. Л.9 об.